

П. Л. Калмыков

СЕМЕН УДАЛОЙ – ГЕРОЙ И ЛЕГЕНДА

В статье рассказывается о судьбе камчатских военнопленных в Крымскую войну. Автор раскрывает новые подробности подвига матроса Семена Удалого (Удалова), вводя в научный оборот неопубликованные ранее архивные документы.

Ключевые слова: Крымская война, Петропавловский бой, военнопленные, улицы города, Семен Удалой (Удалов).

P. L. Kalmykov

SEMYON UDALOY – A HERO AND A LEGEND

The article relates to the life of the Kamchatka prisoners of the Crimean War. The author reveals new details of the legendary feat of Semyon Udalo (Udalov) entering in the scientific circulation unpublished archival documents.

Keywords: the Crimean War, Petropavlovsk battle, Russian prisoners of war, streets of the city, Semyon Udalo (Udalov).

Именами героев называют улицы. Это уже повод вспомнить имя героя и узнать, какой подвиг он совершил. В городе Петропавловске-Камчатском есть улица МаксUTOва. Википедия нам подскажет, что улица названа в честь Дмитрия МаксUTOва. Но на одном из домов улицы мы видим мемориальную доску, посвященную Александру МаксUTOву. Все правильно: в Петропавловской обороне 1854 г. героически прославились два лейтенанта МаксUTOва, родные братья. Героя два, улица одна.

Другая улица, по соседству с МаксUTOва, носит имя героя-матроса. Здесь герой один, но фамилия написана двояко. На одной табличке читаем «Улица С. Удалова, 1а», на другой – «42 Семена Удалого улица». И это не опечатка. Дело в том, что о подвиге Семена нам стало известно из рассказа, где он назван то Удалым, то Удаловым, а документов о нем не было, что смущало строгих историков.

Новые находки в архивах дают нам возможность проанализировать текст, подтвердить либо уточнить слова рассказчика.

Рассказ лаконичен, в нем ценно каждое слово, приведем его полностью.

«Геройская смерть матроса камчатской флотилии, 47-го флотского экипажа, Удалова.

По прибытии моем в С.-Петербург явились ко мне мои сослуживцы, матросы 47 флотского экипажа, которые в Авачинской губе по нечаянному случаю попались в плен к неприятелю. Я заметил, что между ними недостает матроса Удалова, и спросил их: "А что, верно, Удалой позабыл меня, что не пришел ко мне поздороваться?"

Один из матросов отвечал мне: "Никак нет, В(аше) П(ревосходительство)! Удалой погиб, как вы изволили нам приказывать".

Этот ответ заставил меня вызвать одного из них, который потолковее, разъяснить мне, что такое городит на меня наш сослуживец. Вызванный стал рассказывать:

"Дело было вот как: когда мы на ботишке выплыли с кирпичами из Тарьинской бухты и увидели эскадру, то приняли ее за нашу, адмирала Путятину; наладили на ботишке паруса, как следно, и хотели поближе пройти под кормой адмиральского фрегата; глядь-поглядь, суда-то не наши; давай мы в берег, а враги наши со всей эскадры со шлюпками погнались за нами; на беду нашу заштилело и вооруженные шлюпки окружили ботик, – что нам делать? Мы хороши помнили разные случаи, которые вы нам изволили приказывать – и тот, что матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю; а у нас, на ботике, как сами изволите знать, все были только кирпичи. Тут Удалой сказал нам: на эвотот случай, что у нас ружей нет, а все кирпичи, ничего не приказано, что нам делать? Если кирпичом станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибеши до смерти; не замай: пусть нас берут, а вы смотри не зевай, не можем ли мы какого случая найти на судне на погибель врагам. А боцман Усов (ехавший с нами со своею семьею) прибавил: смотри, не разговаривать, что будет неприятель выспрашивать, знай отвечай на все вопросы "не могу знать", а там что Бог даст! Неприятельские шлюпки забрали нас и побуксировали наш ботишко, словно мыши коту по-

гребали; привезли нас на фрегат и, не добившись от нас ничего, кроме "не могу знать", заперли нас в трюм. На другие дни съезжали пальбу, и больно было сердцу, что мы сидели скованные в трюме, а наши товарищи проливают кровь за царя и отечество. Скованные по рукам, мы и перекреститься не могли; горько было нам, пока Господь Бог помог вам поколотить врагов и они отошли вдаль от крепостей. Тут к работе и нас вызвали. Порадовалось сердце наше, видя на фрегате везде стон и щепы; видим, что делать нечего, слушаться нельзя, – принялись за работу. Вышла неприятельская эскадра из Авачинской губы и пришла в Калифорнию, а потом французы повезли нас на остров Таити и там заставляли строить каменную крепость. Удалой не хотел работать крепости и сказал им, что на кораблях работать – дело другое, – работа вам идет не впрок, а против своих крепости делать не буду. Его заковали в железа и посадили на хлеб и воду; и мы сживали в железах за то, что не хотели крепости работать, но нам нездоровилось сидеть, стали пухнуть, – делать нечего, принялись работать. К другому лету повезли нас на бриге "Облигадо" в Петропавловский порт. При входе в Авачинскую губу забили тревогу. Удалой был написан у пушки, а мы у подачи ядер. Удалой не пошел к своей пушке, а стал у грот-мачты и сказал нам: "Ребята! Грех на своих руки поднимать! Уж лучше смерть! Помните приказание начальства, чему нас учили!" Сказавши эти слова, он скрестил руки на груди и закричал во весь голос: "Слышь вы, французы!" – и к этому прибавил, как тут Вашему Превосходительству сказать, да вы изволите знать крутой нрав Удалова, то есть он, так сказать, попросту выругал их, а потом сказал: "Слышите ли, французы? У русских руки не поднимаются на своих, я к пушке не иду". А Польша сейчас слово в слово и переведи старшему лейтенанту. Лейтенант затопал ногами и закричал на него: "Ежели не пойдешь к пушке, то сейчас повешу!" – и приказал гордень готовить, это перевели Удалому. Удалой в ответ закричал сердито: "Врешь, такой-сякой француз, ты меня не повесишь, и я к пушке не пойду", – и с этими словами бросился по снастям вверх по мачте, и, поднявшись, перепрыгнул с них на ванты, и закричал нам: "Ребята! Не поднимайте рук на своих, не сделайте сраму на сем свете и греха на том! Прощайте! Видите, я принимаю смерть!" и с этими словами, перекрестясь, бултых в воду. Знаете, В. П., он нам напоследях ваши слова повторил, которые вы нам сказывали по отслушании молебна,

когда получено было известие, что неприятель будет к нам сильный, и вы нас готовили победить или умереть. Изволите видеть, где он погиб: он вовсе не погиб, а он утонул, как вы изволили приказать".

Рассказ этот тронул меня до слез, и я сказал: "Да, ребята, Удалой кончил жизнь свою во славу русских матросов и, верно, заслужил царство небесное!" [1, с. 4–7].

Рассказ вызвал отклик в читателях, пример Семена включали в брошюры для солдат, герой обретал зримый образ в живописи, скульптуре и живой характер в стихах, романах и пьесах¹. Таким образом, сложилась легенда (термин подразумевает всю совокупность наших представлений о герое и его подвиге).

Но и сам исходный рассказ, по сути, художественное произведение на основе изустных сведений. Потому автор, будучи лицом официальным, не подписался, но инкогнито его прозрачно. Возвратясь к теме год спустя, редакция «Морского сборника» пишет: «Надеемся, что почтенный автор не будет негодовать на нас за то, что мы назвали его, ибо по самому изложению его статьи нельзя было не узнать ее автора, как напр. из слов одного матроса: "Знаете, Ваше Превосходительство, он (Удалов) нам напоследях ваши слова повторил, которые вы нам сказывали по отслушании молебна, когда получено было известие, что неприятель будет к нам сильный[,] и вы нас готовили победить или умереть"» [2, с. 8–9]. Итак, имя автора – Василий Степанович Завойко, в 1854–55 гг. военный губернатор Камчатки, главный командир над Петропавловским портом. И он же, вспомним, литератор, издавший в 1840 г. книгу «Впечатление моряка во время двух путешествий кругом света», под псевдонимом «Лейтенант В. З.» [3, с. 5–70]. Автору не чужды фантазия, романтика и красное словцо.

Только в XXI в. камчатскому краеведу С. И. Вахрину удалось найти формулярный список матроса-героя.

«№ 369 Семен Кузьмин сын Удалов. Православного исповедания. 29 лет. Костромской губернии Варнавинского уезда удельного приказа, из крестьян деревни Сидорова. Росту 2 ар. 5½ вер, лицом чист, глаза серые, волосы русые. В рекруты принят – 1849, ноября 29. Приведен в Кронштадт и поступил в 26 флотский экипаж матросом 2 статьи – 1851, января 26. В 46, что ныне 47 флотский

¹ См., например, роман Борщаговского А. М. Русский флаг; рисунок Кочергина Н. М. в ЦВММ (Санкт-Петербург); бюст работы Сушковой О. И. в ВММ ТОФ (Владивосток).

экипаж – 1853, сентября 1. В 1850 г. при берегу. В 1851 у проводки корабля "Прохор". С 1852 по 1853 г. в кругосветном плавании на транспорте "Двина" от Кронштадта до Петропавловского порта. В 1854 взят в плен с парусного плашкоута гребными судами англо-французской эскадры. В 1855 г. находится в плену» [4].

Итак, он все-таки Удалов, а Удалой – прозвище, которое Семен наверняка оправдал личными качествами.

Деревня Сидорово, где родился герой, существует поныне, и теперь относится к Тонкинскому району Нижегородской области. Имея рост средний, 167 см, Семен, несомненно, обладал качествами «дальневосточного» матроса, обошедшего полсвета на парусном корабле: физической силой и сноровкой; знал грамоту, славился как балагур, не чуждый «соленых» словечек.

История пленения Удалова известна из официального рапорта В. С. Завойко от 07.09.1854 (даты по юлианскому календарю). 18 августа в Авачинскую губу вошла англо-французская эскадра. «19 августа <...> В два часа показался из Тарьинской губы плашкоут под парусами, нагруженный кирпичом, имея на буксире шестерку. Он послан был в Тарью за два дня до появления неприятеля; плашкоут прямо держал на эскадру. Неприятель, дозволив ему приблизиться на одну милю, выслал семь гребных судов; заметив их, плашкоут стал держать на северо-запад и удаляться от эскадры. К несчастью, ветер стих, и гребные суда завладели плашкоутом» [5, с. 17]. Плашкоут – парусно-гребное судно, предназначенное для перевозки грузов, оно же названо портовым ботом или баркасом. Шестерка – шестивесельная шлюпка.

Добавляет подробностей мичман Фесун: «...На боту с кирпичом было 7 человек безоружных матрос, отправленных для работы, при унтер-офицере Усове. Неприятель только что заметил его, как тотчас послал 7 больших катеров для овладения им и еще 3 для конвоирования. Хотя жаль было людей, попавшихся в плен, но нельзя было удержаться от смеха перед картиной[,] представившейся глазам нашим: семь катеров, держась в кильватер друг друга, вели на буксире бот; по бокам держалось по катеру, и[,] наконец[,] все шествие замыкалось вооруженным баркасом; на корме каждой шлюпки развевался флаг; вся команда фрегатов высыпала на сетки, так что один из наших сослуживцев вполне справедливо заметил, что вся эта процессия походит на то, как мыши кота хоронили» [6, с. 30].

Сравнение неприятельского конвоя с лубочными мышами, хоронившими кота, мы уже встречали выше: В. С. Завойко вложил его в уста одного из пленных. Это явная авторская вольность: не могла одна и та же шутка родиться и на берегу, и на плашкоуте.

С неприятельской стороны у нас тоже есть свидетель – лейтенант Дж. Палмер с фрегата «Президент». «...Милях в пяти был замечен большой бот, шедший в гавань с другой стороны бухты. Командер Коннолли на катере, я на другом[,] отправились захватить его, полагая, что это баркас с "Авроры". Настигли и выяснили, что это большой бот, полный кирпичей, с девятью мужчинами, одной женщиной и тремя детьми; убогая добыча для двух храбрых офицеров! Я в жизни не видел, чтобы плен воспринимали столь хладнокровно и стойчески» [7, с. 205].

Зачем на захват безоружного суденышка были посланы несоразмерно большие силы? Дело в том, что ровно в это время на британском флагмане истекал кровью контр-адмирал Д. П. Прайс, главнокомандующий соединенной эскадры, простреливший себе грудь из пистолета. Командиры кораблей решили занять подчиненных делом, отвлекая от прискорбного инцидента.

Английские судовые журналы сухо сообщают:

«2:10. Посланы два гребных судна догнать бот, идущий с другой стороны в город Петропавловский. 4 ч. Гребные суда возвратились, захватив бот с грузом кирпичей, на нем 9 мужчин, 1 женщина и 3 ребенка, которые посланы в распоряжение французского адмирала. 4:50. Оборвалась жизнь контр-адмирала Дэвида Прайса, главнокомандующего». (Фрегат «Президент») [8].

«2 ч. Посланы катера в помощь для захвата русского бота. 4 ч. Гребные суда возвратились с русским ботом». (Фрегат «Пик») [9].

На следующий день произошло сражение – бомбардировка англо-французскими кораблями батареи Петропавловского порта и десант на Красный Яр, – не принесшее нападавшим решающего успеха. А еще день спустя, 21 числа: «В час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка по направлению к Сигнальному мысу. Это была наша шестерка, взятая неприятелем вместе с плашкоутом; на ней пристали к берегу квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселев. Поименованные люди рассказали, что они утром 19-го числа отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашко-

уте с 4 тысячами кирпича, имея на буксире шестерку. Усов взял с собою жену, которая пришла к нему из деревни Озерной с двумя малолетними детьми» [10, с. 20].

Юлия Завойко, супруга губернатора, со слов камчадалки Усовой дополняет: «Во время сражения их держали внизу; они говорили, что видели раненых на фрегате. 21-го августа адмирал сказал, что отошлет женщину одну с детьми, но та с отчаянием ухватилась за мужа и объявила, что она не оставит его. Адмирал не мог противостоять слезам и рыданиям женщины. Впрочем, Усов на вид невзрачный, черненький, худенький, хиленький, седенький старичок... Выпросив мужа, камчадалка выпросила и брата, на вид почти юношу» [11, с. 120].

«Квартирмейстер Усов передал <...> что французы приглашали пленных вступить к ним в службу, но они отказались; что офицеры, отпуская его, обещали остальным пленным освобождение, когда Петропавловский порт будет взят» [12, с. 21]. Порт взят так и не был, и восьмерых наших матросов, включая Семена Удалова, агрессоры увезли с собой.

До последнего времени имена пленных были нам не известны. (Хотя из очерка в очерк кочуют фамилии Зыбин и Ехлаков, – якобы они сообщили контр-адмиралу Завойко судьбу Удалова, – но подтверждения не находят.) Теперь же у нас есть именной перечень, извлеченный С. И. Вахриным из формулярных списков [13].

1) Бурнаев, Михайло Петров [сын] (1822) – матрос 2-й статьи, из крестьян Костромской губернии;

2) Косарев, Николай Степанов сын (1821) – матрос 1-й статьи, уроженец Костромской губернии;

3) Таскаев, Алексей Андреев сын (1819) – марсовый матрос, уроженец Архангельской губернии;

4) Удалов, Семен Кузьмин сын (*полная запись приведена выше.* – П. К.);

5) Аникин, Павел Петров сын (1826) – матрос 1-й статьи, из крестьян Пермской губернии;

6) Емандуков, Прокопий Никифоров [сын] (1832) – матрос 2-й статьи, из крестьян Вятской губернии;

7) Максимов, Арсений (без отчества) (1832) – матрос 2-й статьи, из крестьян Казанской губернии;

8) Щелканов, Егор Григорьев сын (1822) – матрос 1-й статьи, из крестьян Пермской губернии.

Каждая из этих записей заканчивается указанием: «В 1854 году на парусном плашкоуте взят в плен гребными судами англо-французской эскадры». Первые четверо – опытные моряки, совершившие полукругосветное плавание на транспорте «Двина» из Кронштадта на

Камчатку. Четверо других начинали службу в сибирских линейных батальонах, лишь в этом году увидели море. Ни одного «польши» (т. е. поляка) среди этих пленных нет.²

Можно заметить нестыковку в численности захваченных на плашкоуте людей: у нас получается 10 мужчин, 1 женщина, 2 детей, а по английским свидетельствам – 9 мужчин, женщина и трое детей. Вывод один: камчадал Иван Киселев, «на вид почти юноша», был принят иноземцами за мальчишку, потому и отпущен. Мальчишеская стать не помешала Ивану участвовать в дальнейших сражениях против неприятеля.

Отвлекаясь от судьбы пленных моряков, уделим несколько строк судьбе кирпичей. В вахтенном журнале брига «Облигадо» [14] от 1 сентября (21 августа по юлианскому календарю) лейтенант Ванекут сделал запись: «С 4 до 8 ч. пополуночи. Очень хорошая погода. Умеренный ветер от норда. Утренняя приборка. Отправили баркас на русское судно за кирпичами». (*Семейство Усовых отпустят в тот же день, но позже.*) Обратим внимание на личность вахтенного офицера – Эдуар Полидор Ванекут, лейтенант, произведенный в кавалеры Почетного Легиона за Петропавловское дело, известный нам под псевдонимом Эд. дю Айи³. Кирпичи предназначались Петропавловску для складывания печей – а вот зачем они понадобились французам? Ответ нашелся в том же вахтенном журнале: кирпичом матросы по утрам натирали палубу, крышки ящиков и бронзовые детали, которым полагалось блестеть. (*Соответствующий французский глагол briquer и происходит от слова «кирпич» – brique.*)

Упомянутый Ванекут, он же дю Айи, имеет к истории Семена Удалова самое прямое отношение. В рассказе В. Завойко в неприглядном виде выставлен старший лейтенант брига «Облигадо»: «Лейтенант затопал ногами и закричал... "Ежели не пойдешь к пушке, то сейчас повешу!" – и приказал гордень готовить». Это именно он, лейтенант Ванекут, был на «Облигадо» стар-

² Впрочем, как заметил С. И. Вахрин, услужливый «Польша» мог быть этническим поляком в команде «Облигадо», приставленным к русским как переводчик. Вахрин С. И. Камчатка – Россия – Мир. Петропавловская оборона 1854 г. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2021. С. 75.

³ Ed. du Hailly – Edouard Polydore Vanéechout. Фамилия Vanéechout весьма редкая; по многим вариантам ее неправильной записи можно судить, что французские носители настаивают на ее исконном фламандском прочтении: Ванекут.

шим после командира – получается, он и топал ногами на Семена. И он же, Эд. дю Аий, словно бы оправдываясь, в 1858 г. опубликовал свою версию гибели русского пленного. То есть, не только подтвердил сам факт гибели, но и поведал нам яркие черты характера героя.

«...Нам удалось... выменять двух наших моряков, оставшихся у неприятеля после сражения 4 сентября 1854 г., на троих русских пленников, содержавшихся на "Облигадо" с того же времени. Русских сначала было четверо, и смерть четвертого достойна рассказа. Его звали Симеоном. С начала его пребывания на борту брига он снискал к себе общую симпатию – как готовностью, с которой он присоединялся к работе экипажа, так и веселостью характера. Во время обеда от матросского стола то и дело раздавались громкие взрывы смеха, вызывал их именно Симеон своими солеными шутками из тех, что веками ходят на кораблях всех наций и всегда понятны палубному братству. Вечерами, бывало, вахтенная команда собиралась в кружок промеж двух пушек, временно оторванная от исполнения обязанностей устами славного рассказчика, – опять это был Симеон; он развлекал свою аудиторию нескончаемым рассказом на странном наречии, им же изобретенном, причудливо соединившим языки русский, французский, бретонский и провансальский. Между тем настал день, когда "Облигадо" снова направился к Камчатке; с тех пор настроение Симеона переменилось. Его усердие было тем же, но веселость его оставила; бесконечно омраченный мыслью об участии в грядущем деле, он стал печален и молчалив. Напрасно его увещевали, что ему никоим образом не придется сражаться против своих соотечественников, ничто не смогло его убедить, и за несколько дней до прибытия в Авачинскую бухту он улучил момент, когда никто на него не смотрел, и кинулся в море. Тотчас же ему были брошены буи, спущена спасательная шлюпка, но бесполезно; с борта видели, как он исчезает под водой, крестясь и не пытаясь даже бороться со смертью теми движениями, к которым понуждает инстинкт самосохранения помимо нашей воли» [15].

Дю Аий не принижает поступка Семена, напротив, называет его «самопожертвовани-ем этого неизвестного Курция»⁴. Но лейтенант ничего не говорит ни об острове Таити, где русских заставляли строить крепость, ни о канда-

лах, которые на них надевали, ни о каком-либо конфликте. Единственной причиной утопиться, по его версии, стала навязчивая идея Семена, что его заставят воевать против своих.

Возможно ли было использовать военнопленных в боевых действиях? Или хотя бы на стройке крепости? В пору Крымской войны каждая страна имела свои нормативные документы, регламентирующие положение пленников, но все эти документы основывались на общепринятых положениях Права войны.

«Взятие в плен имеет своим последствием временное фактическое лишение военнопленного свободы, с целью не дать ему возможности возвратиться в свою страну и снова принять участие в войне. <...> Офицеры, поручившиеся за свое поведение честным словом <...> пользуются относительной свободой. Напротив, унтер-офицеры и солдаты подчиняются строгому надзору и употребляются на работы, с целью покрытия части расходов на их содержание, производимых государством, во власти которого они находятся. <...> Право войны не допускает дурного обращения с пленными, произвольных действий, всякого рода насилий, не оправдываемых необходимостью. <...> Право войны запрещает также принуждать военнопленных в поступление на военную службу в государстве, где они удерживаются» [16, с. 84–85].

Известно, что русских пленников во Франции привлекали к работам на постройке дорог, на виноградниках, на шахтах и др. Православный священник И. Васильев, навещавший этих пленников и подававший им духовную и материальную помощь, одобрял их трудовую занятость: «Умеренные работы полезны, удаляя от праздности и улучшая положение пленников. Без последнего же условия они будут тягостны и прискорбны» [17, с. 124].

Таким образом, ставить военнопленных к пушкам было бы противоправно, а использовать их труд на корабле или на стройке крепости – и законно, и гуманно.

Но был ли Семен Удалов на Таити? Проследим путь брига «Облигадо» – даты по вахтенному журналу брига.

7 сентября 1854 г. – побитая англо-французская эскадра вышла из Авачинской губы.

3 октября – французские суда пришли в Сан-Франциско.

3 ноября – «Облигадо» вышел из Сан-Франциско и взял курс на юг.

21 ноября – отдал якорь в заливе Гуаймас (Мексика).

⁴ По легенде, Марк Курций бросился с конем в разверзшуюся пропасть, принеся себя в жертву ради спасения Рима.

24 ноября – визит на борт «губернатора Гуаймаса». Салют 15-ю пушечными выстрелами.

По сообщениям американских газет, заход брига в Мексику имел целью выяснение обстоятельств гибели графа Рауссе-Бульбона (французского подданного, пытавшегося захватить часть мексиканской территории). В Гуаймаса командир брига Ле Руссо де Розенкоа обменялся визитами с генералом Арельяно, губернатором штата Сонора.

25 ноября – «Облигадо» вышел из Гуаймаса.

28 ноября – 2 декабря 1854 г. – стоянка в Матлане.

9 декабря – 23 декабря 1854 г. – стоянка в Акапулько.

4 января 1855 г. бриг пересек экватор.

11 февраля – 25 марта 1854 г. – стоянка в Вальпараисо.

3 апреля – 7 апреля 1855 г. – стоянка в Кальяо (Перу).

11 мая – 16 мая 1855 г. – стоянка в Гонолулу (королевство Гавайи).

18 июня 1855 г. – в 2 часа пополудни бриг отдал якорь в Авачинской губе.

19 июня вечером «Облигадо» передал троих русских пленным на английский корвет «Тринкомали» и направился к выходу из Авачинской губы.

19 июля 1855 г. бриг снова пришел в Сан-Франциско, чтобы первым сообщить миру об очередной камчатской неудаче англо-французского флота.

Кроме того, по данным еженедельной газеты «*Messenger de Tahiti*», бриг «Облигадо» в гаванях острова не появлялся. (Эта газета добросовестно фиксировала все приходы-уходы судов, военных и коммерческих.)

Вывод: Семен Удалов не был на острове Таити и крепость там не строил.

Но не будем торопиться упрекать В. С. Завойко в измышлении фактов.

В записках анонимного офицера французского фрегата «Альцеста» описано посещение городка Папеэте, столицы Таити, в сентябре 1855 г.: «На островке посередине гавани строится крепость, – сообщает аноним. – Во время нашего прихода там работали русские пленные» [18]. Живописный коралловый островок назывался Моту-Ута, в 1840-х гг. французы выселили с него королеву Помаре и начали постройку форта. Строительство шло медленно за недостатком рабочих рук, поэтому прибытие военнопленных оказалось очень кстати. Форт обратился в руины еще в конце XIX в., а ныне

и сам островок слит с городом Папеэте искусственной сушей.

Но откуда на Таити взялись русские пленные?

Вспомним, что французы увезли из Петропавловска восьмерых русских матросов, а на «Облигадо» попали только четверо, включая Семена Удалова. А еще четверо, как увидим далее, действительно оказались на острове Таити.

Но их путь переплетается с судьбой еще одной группы пленных. Едва покинув Авачинскую губу, англичане и французы захватили два русских судна – шхуну «Анадырь», везшую лес из Нижне-Камчатска, и транспорт «Ситха», шедший из Аяна. Шхуну захватчики обобрали и сожгли. Транспорт «Ситху» англичане привели в Ванкувер, затем в Сан-Франциско, наконец, в Европу. Грузы, казенные и коммерческие, предназначавшиеся Камчатке, были проданы, проценты призовых денег получили все команды англо-французской эскадры. В конце 1855 г. «Ситху» купили Ротшильды за 188 тысяч франков [19].

«Ситха» принадлежала Российско-американской компании; ее команда, набранная в Гамбурге, состояла из трех десятков матросов – финнов, шведов, датчан [20]. По видимости, финнов, как подданных русского царя, сочли военнопленными, а всех остальных надлежало отпустить в нейтральном порту.

«Один из финнов, угодивший таким образом в плен, избавился от него довольно забавным образом. Он предложил свои услуги как марсовой и был расписан на мачту одного из фрегатов. Как-то вечером из тумана появился встречный парусник, корабли не успели отвернуть и сцепились снастями, марсовых послали на мачты распутывать снасти и блоки. Под треск, стук и плеск падающих за борт обломков парусник вырвался и исчез в темноте; но когда затем собрали вахты на перекличку, не досчитались этого марсового. Сочли, что он упал за борт и утонул, и только много позже стало известно, что он перебрался на чужое судно, шедшее в китайский порт, после странствий и приключений вернулся на родину, где уже получили на него похоронку» [21, р. 283].

Англичанин Ашкрофт с парохода «Вираго» вспоминал: «Мой приятель и я взяли на поруки русского боцмана; он был поляк, и мы окрестили его "Хел-анд-ол-ски"» [22]. (Hell-and-all-ski – т. е. «Ад-и-вся-лыжа».) По словам Ашкрофта, по приходе в Ванкувер военнопленным было разрешено прогуляться по берегу и даже вы-

дана порция грога; тут-то «Хел-анд-ол-ски» и поведал своим поручителям, что русские затевают захват корабля. Командир тогда вооружил вахтенную смену и пригрозил русским пулей и кандалами. Как не вспомнить «Польшу» из рассказа о Семене Удадом, который услужливо перевел французскому лейтенанту русскую брань Семена. «Хел-анд-ол-ски» тоже поляк и тоже, если верить Ашкрофту, доносчик, но на «Облигадо» с Семеном он не плавал. Его настоящее имя Ян Калиновский, был он квартирмейстером со шхуны «Анадырь» [23, л. 3].

В Сан-Франциско были отпущены под попечительство русского вице-консула все гражданские пассажиры русских судов и некоторые из моряков.

«"Пик" оставил в Сан-Франциско троих русских – а именно "Камчатку", "Николая I" и еще одного», – сообщает в своем дневнике врач Дж. Дик с фрегата «Президент» [24].

Двоих финнов оставили на борту «Ситхи» и препроводили в Англию для допроса, несмотря на протесты в калифорнийской прессе [25].

Путь оставшихся в плену указывают сан-францисские газеты. «Эскадра союзников под командой адмирала Феврие-Депуанта в пятницу и субботу [т. е. 18 и 19 ноября 1854 г.] ушла в следующие порты: "Эвридика" отправилась в Гонолулу, имея на борту некоторое число русских пленных с разных кораблей, которым Сандвичевы острова назначены в качестве временного пристанища. <...> "Амфитрита" [британский корвет] отправляется в Гонолулу и далее на Таити» [26].

Подробностей добавляет писарь с «Амфитриты» А. В. Макколл в дневниковых заметках [27].

«Сан-Франциско, ноябрь 1854 г. 17-го в 11:15 французский корвет "Эвридика" отплыл в Гонолулу. 18-е. Завтра идем в Гонолулу, затем на Таити, Питкэрн, в Вальпараисо, так что плавание предстоит большое. "Пик" также уходит в Гонолулу <...> "Пlover" [исследовательское судно] в ближайшие дни выставят на аукцион, так как ему уже не под силу обогнуть мыс Горн; его команду переводят на "Ситху" для скорейшего возвращения в Англию. С "Вираго" к нам [на "Амфитриту"] передали 2-х офицеров и 17 русских моряков, а в Гонолулу возьмем на борт и тех, которые на "Пике". Мы доставим их на Таити. Один из офицеров – штурман с призовой шхуны ["Анадырь"], он обедает в офицерской кают-компании, а другой – кадет, мальчик, который столуется с нами в жилой палубе. Он, похоже, сообразительный малый.

<...> Гонолулу, декабрь 1854 г. 15-е. Алик (русский кадет) сошел на берег в первый день и с тех пор там и живет. Скорее всего, его оставят в Гонолулу, кажется, он этим огорчен, ведь он у нас любимец».

О мальчике рассказывает и газета «Polyesian» от 16 декабря: «В числе пленных со шхуны был одиннадцатилетний кадет, который останется под присмотром британского консула в Гонолулу, а весной будет возвращен домой с каким-нибудь судном и там расскажет, что плен на британских судах не хуже, чем служба на русских».

Но мальчик в Гонолулу не остался. Макколл пишет: «16-е. Пополудни приняли пленных с "Пика" <...> В последний момент Алика (маленького русского) вернули на корабль, поскольку не договорились о его оставлении. <...> Гавань Папее, Таити, январь 1855 г. 20-е. Алику, похоже, очень жаль покинуть судно, и уж точно нигде с ним не будут обходиться лучше, чем у нас».

Те русские пленные, что направлялись в Гонолулу на «Эвридике» (в том числе и четверо с плашкоута), были там пересажены на другой французский корвет, «Артемисию», и прибыли на Таити 5 января 1855 г. [28]. (Пересадка понадобилась потому, что «Эвридика» на месяц задержалась в Гонолулу для участия в похоронах гавайского короля Камеамеа III.) [29].

Теперь вернемся к Семену Удалову и его соплавателям на «Облигадо». В вахтенном журнале брига о русских пленных упоминаний очень мало. Утром 6 сентября 1854 г. (перед уходом эскадры из Авачинской губы) читаем: «Пасмурно, умеренный ветер от SE. Марсовые под началом боцмана работают на снастях. Взятые на корабль двое русских и 4 юнги с "Ла Форта"⁵. Упомянуты только двое русских, хотя достоверно их было четверо – возможно, еще двое взяты на борт в другое время, и это не отмечено. (Как не отмечен и перевод на «Облигадо» мичмана, чьи записи появляются в журнале с того же дня)⁶. Команда брига понесла в сражении большой урон и остро нуждалась в людях. Можно уверенно утверждать, что на «Облигадо» взяли именно тех наших матросов, что имели опыт дальнего плавания – это Бурнаев, Таскаев, Косарев и Удалов.

⁵ La Forte – флагманский французский фрегат

⁶ Имя мичмана – де Монпеза (Gabriel Léopold d'Ainezy de Montpezat), заменивший убитого в Петропавловске Шарля Жикель-Детуша.

Вахтенные записи в плавании однообразны и рутинны, лишь время от времени мелькают буквы «P. V.» (Procès Verbal), что означает «Акт». Актом отмечали, например, списание подмокших припасов, или потерю частей рангоута в шторм, или смерть на борту.

И вот волнующая нас запись, помеченная «P. V.», оригинал и перевод.

«Le 6 juin 1855. De 4 h à 8 h. [E. Dinel]

Temps couvert et brumeaux, établi la voile. 4h.05' le prisonnier russe (Siméon Dowoff) monte sur la dunette et se jette à la mer, il disparaît immédiatement; mis en panne et amené la baleinière (2) qui révient quelque temps après, avec la bouée seulement. 4h30' souper par bordée. Appels aux postes de combat, branlebas, service ordinaire de nuit.»

«6 июня 1855. С 4 ч. до 8 ч. пополудни. [Вахтенный – мичман Э. Динель.]

Пасмурно, туман. Паруса поставлены. В 4:05 русский пленный Симеон Довофф [Семен Удалов] поднялся на ют, бросился в море и тут же утонул. Легли в дрейф, спустили вельбот № 2, который возвратился через некоторое время только со спасательным бумом. 4:30 ужин повахтенно. Перекличка по боевым постам, койки вниз, обычные вечерние работы».

Версия несчастного случая отпадает: ют, куда взбежал Семен, – офицерская часть корабля, где пленному матросу не место. Поступок Семена был определенно сознательный, с большой вероятностью сопровождался конфликтом и экспрессивной перебранкой, как о том и сказано в рассказе Завойко. И был расцenen лейтенантом Ванекутом как жертвенный подвиг.

В какой же части океана случилось это ЧП? Согласно журналу, корабль шел на север (N 5°W), а координаты в полдень определены 41°38'N 158°18'E. Данная точка находится в расстоянии 1258 км к югу от Авачинской губы. Этих подробностей В. Завойко знать не мог (как не знали и товарищи Семена Удалова); перенос событий на рейд Петропавловска служит драматизму сюжета.

В действительности бриг вошел в Авачинскую губу 12 дней спустя, и на следующий день в вахтенном журнале сделана последняя запись о русских пленниках.

«19 июня 1855. С 4 до 8 ч. [Вахтенный – мичман Г. де Монпеза.]

На якоре в Авачинской губе. Погода хорошая, небо облачное, ветер умеренный. Продолжается наливка воды. Взяты различные материальные ценности с призового русского судна. Разряжены орудия. Ужин. Поставлена грузовая стрела. Препровождены русские пленники на "Тринкомали". Гребные суда подняты на борт. Убраны выстрелы. Погружено на борт рангоутное дерево, взятое с призового судна. Ничего нового. (Призовое судно – «Аян», Российско-финляндской китобойной компании. Найдено англичанами в Раковой бухте, обобрано и сожжено.)

Есаул Мартынов, оставленный в Петропавловске за главного, рапортует контр-адмиралу Завойко: «8 числа [что соответствует 19 июня на англо-французских судах] остался на рейде один английский корвет "Тринкомалей", и на нем поднят парламентарский флаг, и через американца Чеза предложен был англичанами размен пленных. Для этого отправился я на "Тринкомалей", и 14 числа взамен наших трех матросов, взятых на плашкоуте в августе месяце прошлого года, отданы 1 англичанин и 1 француз» [30, с. 236].

Английский контр-адмирал Брюс рассказывает подробнее: «Капитану Мартынову вручена, при любезном посредничестве американца, живущего в Петропавловске, письменная гарантия, тогда он послал за пленными за 150 верст от побережья, их доставили и 25 июня передали капитану Хаустоуну на британский шлюп "Тринкомали" в обмен на троих русских, содержащихся с прошлого года на борту французского брига "Облигадо". Эти двое оказались: Уильям Гарланд, матрос с британского фрегата "Пик", и Пьер Ланглуа с французского фрегата "Форт". Последний будет передан на "Форт" по прибытии в Сан-Франциско, а первый, по его просьбе, назначен на "Бриск", поскольку "Пик" уже убыл в распоряжение китайской эскадры. Обращение с обоими за все время в плену, очевидно, было весьма доброе» [31].

В сентябре 1855 г. весть о состоявшемся обмене в Петропавловске дошла до Таити [32], после чего было решено отправить пленных, содержащихся на острове, в метрополию, для обмена по окончании войны «всех на всех».

«Корвет "Эвридика", прибывший в гавань Папезте в воскресенье 9-го сентября из Сан-Франциско, вчера (т. е. 15 сентября) отправился в Вальпараисо, откуда это судно вернется во Францию. <...> "Эвридика" также приняла на борт четырех русских офицеров и 28 нижних чинов, доставленных на Таити в этом году

⁷ Долгота в судовом журнале «Облигадо» дана от парижского меридиана, который восточнее гринвичского на 2°20'14"

корветами "Артемисия" и "Амфитрита"» [33]. Через полгода плавания, 23 марта 1856 г., «Эвридика» пришла в порт Тулон, а отсюда русских пленнх отправили в Севастополь, поскольку война закончилась. У нас есть рапорты двух офицеров, пльвших на «Ситхе» пассажирами, и командира шхуны «Анадырь» – прапорщика корпуса флотских штурманов Януария Большчунина. К рапорту Большчунина приложены ведомость грузов и список людей, находившихся на шхуне. Именно из этого документа нам известны настоящие имена «Hell-and-All-Ski» – Яна Калиновского и «Алика» – Александра Семчина, кадета Петропавловского штурманского училища. Из Севастополя Семчин вместе со своим командиром отправился в Санкт-Петербург в мае 1856 г. [34]. Четверо матросов, захваченных в Авачинской губе на плашкоуте с кирпичами, в документе не упоминаются, поскольку эти матросы не состояли в команде Большчунина. О постройке крепости на Таити там тоже упоминаний нет. А в рассказе В. С. Завойко эти сведения есть, и получить он их мог только от матросов, которые эту крепость строили. Посему следует предположить, что этих четверых также препроводили в Санкт-Петербург для отчета о своих приключениях.

Что касается троих соплатателей Семена Удалова по «Облигадо», об их дальнейшей судьбе в рапорте Мартынова ничего не сказано – возможно, есаул ожидал указаний от контр-адмирала. Если так, то контр-адмирал распорядился отправить матросов в Николаевск, в распоряжение 47-го флотского экипажа и пожелал видеть их лично. Оказия представилась в 1856 г., но в Николаевске контр-адмирал Завойко с бывшими пленными разминулся, поскольку сдал дела и отправился в Аян, и далее сушей в Санкт-Петербург, куда прибыл 5 ноября того же года [35]. Война закончилась, многие офицеры возвращались в европейскую Россию, а также и нижние чины, выслужившие срок. Время пребывания в плену засчитывалось в срок службы, но ведь это пребывание следовало оформить и документировать. Мы снова должны поверить В. С. Завойко, что он встретился со своими бывшими подчиненными в Санкт-Петербурге.

Заманчиво было предположение, что трое бывших пленнх прибыли в столицу на транспорте «Двина». Транспорт вышел из Николаевска 20 августа 1856 г., отремонтировался в Сан-Франциско, посетил остров Таити, вокруг мыса Горн перешел в Атлантику и 15 сентября 1857-го прибыл в Кронштадт, завершив кру-

госветное плавание [36, с. 189–194]. Но не стыкуется время: рассказ о подвиге Семена был опубликован на два месяца раньше прибытия транспорта.

Таким образом, в Санкт-Петербурге вполне могла состояться очная ставка троих бывших пленнх с «Облигадо» – Бурнаева, Таскаева, Косарева – с теми их товарищами по плашкоуту, кто строил крепость на Таити – Аникиным, Емандуковым, Максимовым, Щелкановым. Контр-адмирал Завойко, как свидетель, подтвердил обстоятельства захвата плашкоута и взамен получил информацию из уст бывших подчиненных, что вдохновило его создать литературную версию, объединив два рассказа в один и домыслив живые подробности. Впрочем, рассудив, что контр-адмиралу и чиновнику морского ведомства слава беллетриста ни к чему, оставил рассказ без авторства.

Итак, у нас есть Семен Удалой – легендарный и художественный образ, но есть и Семен Кузьмич Удалов, историческое лицо. Знак соответствия между ними ровно тот же, что и между Маресьевым и Мересьевым, Бонивуром и Баневуром, киношным рубакой Чапаем и командиром стрелковой дивизии Чапаевым.

Легенда – неотъемлемая часть исторической памяти и культуры.

Несомненно, улица должна носить имя легендарного Семена Удалого.

Это о нем сложены стихи:

– Скажи мой ответ лейтенанту, –
Кричит Удалой толмачу, –
Я лучше полезу на ванты
И мигом за борт полечу! –

И стал он на мачту взбираться
И крикнул матросам своим:
– Смотрите, что делаю, братцы!
Неужто мы честь посраим?

Неужто мы выйдем из боя?
Иль храбрости нету былой?.. –
И бросился вниз головою
В бурлящий поток Удалой [37, с. 34].

Но будем помнить и реального Семена Кузьмича Удалова, чья бесстрашная гибель дала жизнь легенде.

P. S. Возможно, читателя заинтересовала дальнейшая судьба кадета Александра Сем-

чина. Шутка ли, мальчишка ходил на шхуне в Нижнекамчатск, попал в плен, с англичанами побывал в Ванкувере, Сан-Франциско, Гонолулу, изучая попутно язык и навигацию; 8 месяцев прожил на Таити; 6 месяцев плыл на французском корабле с заходами в Вальпараисо, Монтевидео, на Азорские острова, в Алжир и Тулон. А прибыв в Санкт-Петербург, продолжил обучение штурманской специальности и вышел в офицеры.

Автор признателен историку Николаю Манвелову за сообщенные сведения из послужного списка Семчина Александра Григорьевича (?–1875).

1859 – в службе;

05.05.1862 – кондуктор Корпуса флотских штурманов (первый по списку);

24.05.1862 – в составе 16-го Балтийского флотского экипажа;

28.02.1863 – зачислен во 2-й Балтийский флотский экипаж;

05.08.1864 – прапорщик Корпуса флотских штурманов;

05.10.1865 – при 8-м Балтийском флотском экипаже;

Офицер 8-го Балтийского флотского экипажа;

15.09.1866 – пособие – 100 рублей;

06.01.1868 – переведен из Балтийского флота в Сибирскую флотилию;

20.04.1869 – подпоручик Корпуса флотских штурманов;

Офицер Амурского флотского экипажа;

03.03.1875 – исключен из списков умершим.

Также благодарность:

Энди Тешнеру (Великобритания), скопировавшему в парижском архиве страницы вахтенного журнала брига «Облигадо»;

историку Борису Миловидову, сообщившему архивный шифр документа о возвращении пленных с острова Таити;

друзьям – краеведам Камчатки, за их подсказки и находки, использованные для статьи.

1. Морской сборник. 1857. Т. 29, № 6 (июнь). Отдел «Смесь».
2. Морской сборник 1858. Т. 38, № 11 (нояб.). Отдел «Библиография».
3. Камчатский летописец / сост. С. В. Гаврилов. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2011. Вып. 1. 448 с.
4. РГА ВМФ [Российский государственный архив Военно-морского флота]. Ф. 406. Оп. 5. Д. 803. Формулярные списки о нижних чинах 47-го флотского экипажа за 1855 г.
5. Рапорт Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта генерал-майора В. С. Завойко генерал-адмиралу русского флота в. кн. Константину Николаевичу о нападении англо-французской эскадры на Петропавловск-Камчатский и разгроме неприятельского десанта [от 7 сентября 1854 г.] // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. : сб. офиц. док., воспоминаний, ст. и писем. Изд. 2-е, доп. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 14–27.
6. Фесун Н. А. Письмо начальнику Морского корпуса Б. А. Глазенапу // Там же. С. 28–38.
7. Палмер Р. Выдержки из писем и дневника моего деда, адмирала Джорджа Палмера // *Завражный Ю. Ю.* Забыть адмирала! Историческое расследование с размышлениями. Петропавловск-Камчатский, 2005. С. 203–208.
8. Ship's Log Book, H.M.S. President. 1854. Aug. 28 – Sept. 8. London : National Archives, Kew, London – ADM 53/5743.
9. Ship's Log Book, H.M.S. Pique. 1854. Aug. 27 – Sept. 5. London : National Archives, Kew, London – ADM 53/6189.
10. Рапорт Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта генерал-майора В. С. Завойко... // Защитники Отечества... С. 14–27.
11. Завойко Ю. Из «Воспоминаний о Камчатке и Амуре» // Там же. С. 100–128.
12. Рапорт Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта генерал-майора В. С. Завойко... // Там же. С. 14–27.
13. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Д. 803. Формулярные списки о нижних чинах 47-го флотского экипажа за 1855 г. (Выборка из списков предоставлена С. И. Вахриным).
14. Journal du bord du brick l'Obligado, commencé le 22 août 1854. Archives nationales (France) MAR/4JJ/237.
15. Ed. du Hailly. Une campagne dans l'océan Pacifique. Les escadres alliées dans les mers du Japon et de Tartarie // Revue des deux mondes. 1858. Vol. 17. P. 172–173. Фрагмент на русском языке в кн.: Защитники Отечества... С. 245.
16. Право войны в изложении А. В. Гефтера / перевод К. Таубе // Военный сборник. 1884. № 10, ч. 2.
17. Мельникова Л. В. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4.

18. Une campagne sur le Pacifique, vue depuis l'Alceste, frégate de 2e rang (1854–1858) // Chronique d'histoire maritime № 23 1er semestre 1991. P. 1–29. (Рукопись – тетрадь на 26 страницах, веденная с 7 апреля 1854 по 11 августа 1856 г., включает и рассказ о визите «Альцесты» в Петропавловский порт в мае-июне 1855 г. Тетрадь найдена во французском городе Андуз. Установить имя писавшего редакторам публикации не удалось).
19. Hampshire Advertiser. 1855. Nov. 24.
20. Carstensen W. Mellem franske kammerater. København. 1894. P. 283; Конради И. Я. Плавание корабля Российско-американской компании «Ситха» от Гамбурга до Ново-Архангельска и Аяна // Морской сборник. 1854. Т. 13, № 10 (окт.). Часть официальная. С. 75; Подробности взятия корабля Российско-американской компании «Ситха» // Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения И. Путиловым. Отдел II «Военные известия». СПб., 1856. Кн. XIX. С. 41–43.
21. Carstensen W. Op. cit.
22. The Reminiscences of William Petty Ashcroft, parts VI–VIII // The Naval Review. 1965. Vol. LIII, No 1–3.
23. РГА ВМФ. Ф. 283 Оп. 3. Д. 58. Список команды, находившейся на шхуне «Анадыр».
24. Journal of James Nicholas Dick, British naval surgeon, 1853–1855. Yale Center for British Art, Paul Mellon Fund. Entry dated May 18, 1855.
25. См. например: Rights of Belligerents in the Ports of the United States // Placer Herald. 1855. 10 Nov.
26. Sacramento Daily Union. 1854. 22 Nov.
27. Alex V. MacCall. Log and journal of H.M.S. Victory, Pique and Amphitrite (01 January 1854 – 30 June 1856). Collections held by the National Maritime Museum, London. URL: <http://nla.gov.au/nla.obj-1097741312>
28. Messenger de Tahiti. 1855. 21 et 28 jan.
29. The Polynesian. 1855. 03.02.
30. Мартынов Н. А. Камчатскому военному губернатору господину контр-адмиралу и кавалеру В. С. Завойко адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками, в оной расположенными, Есаула Мартынова [от 3 августа 1855 г.] // Защитники Отечества... С. 234–237.
31. Rear Admiral Bruce to the Secretary of the Admiralty on 17th July 1855 // The London Gazette. 1855. 11 Sept.
32. Messenger de Tahiti. 1855. 9 Sept.
33. Messenger de Tahiti. 1855. 16 Sept.
34. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 58. О возвращении из плена офицеров, унтер-офицеров и рядовых. 25 мая – 2 июня 1856 г.
35. Полный послужной список В. С. Завойко от 14 июля 1897 (ЦГА ВМФ СССР. Ф. 406. Оп. 3. Д. 1071) // Бондаренко А. А. Адмирал Василий Степанович Завойко (1812–1898). «Сделать все,.. что в силах человеческого возможно». К 200-летию со дня рождения : сб. док. и материалов. Симферополь, 2012. С. 112–120.
36. Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1859 по 1868 год. СПб. 1871. Т. 1.
37. Бытовой С. Земля отцов : стихи. Л. : ОГИЗ, 1944.